

Агния Кузнецова

Свет-трава

ФТМ

Агния Кузнецова (Маркова)

Свет-трава

«ФТМ»

1953

Кузнецова (Маркова) А. А.

Свет-трава / А. А. Кузнецова (Маркова) — «ФТМ», 1953

«... Степан Петрович не спеша выбил трубку о сапог, достал кисет и набил ее табаком.— Вот возьми, к примеру, растения, – начал Степан Петрович, срывая под деревом ландыш. – Росли они и двести и пятьсот лет назад. Не вмешайся человек, так и росли бы без пользы. А теперь ими человек лечится.— Вот этим? – спросил Федя, указывая на ландыш.— Этим самым. А спорынья, черника, богородская трава, ромашка! Да всех не перечесть. А сколько есть еще не открытых лечебных трав!Степан Петрович повернулся к Федору, снял шляпу и, вытирая рукавом свитера лысину, сказал, понизив голос:– Вот, к примеру, свет-трава!..Тогда и услышал Федя впервые о свет-траве. Вначале легенда не увлекла его. Но он записал ее в блокнот и с той поры стал интересоваться книгами, брошюрами и газетными статьями о лекарственных травах. В них не упоминалось о свет-траве, и она по-прежнему оставалась для него легендой. ...»

© Кузнецова (Маркова) А. А., 1953

© ФТМ, 1953

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Агния Кузнецова

Свет-трава

Глава первая

Время перешло за полночь. Прощальный вечер был в полном разгаре. Давно закончился ужин, и выпускники веселились вместе со своими гостями: играли, танцевали, пели хором.

Небольшая компания десятиклассников разместилась в школьном саду прямо на траве.

На скамейке сидели только старшая пионервожатая школы Мария Владимировна, или просто Машенька, как за глаза называли ее ученики, и Саня – гостья из соседней школы.

Как-то сам собой завязался интересный, близкий каждому разговор. Десятиклассники с увлечением рассказывали друг другу о том, почему они выбрали ту или иную специальность.

Говорил Игорь Пересветов, на редкость высокий, с юношески неуклюжими и длинными руками и ногами, с волосами, подстриженными ежиком. Немного вздернутый нос и приподнятые белесые брови придавали его лицу самоуверенное и даже немного заносчивое выражение.

– Вопрос о специальности я решил несколько лет назад, и никакие сомнения по этому поводу меня не мучат. – Он помолчал, сорвал с тополя маленький, еще клейкий листочек и, прикрывая глаза, с наслаждением понюхал его. – Еще в пятом классе, на уроке литературы, сочинение на тему «Кем я хочу быть» я начал так: «Я буду поэтом». И если бы в десятом классе Петр Петрович предложил мне написать сочинение на эту тему, я начал бы так: «Не знаю, буду ли я писателем, но хочу быть им и для этого сделаю все возможное».

Игорь говорил легко и уверенно, точно все то, что думал он, было бесспорным. Так обычно говорят способные, начитанные, а потому и уверенные в себе молодые люди.

Из открытых окон школы неслись не совсем стройные звуки оркестра. Там с увлечением отплясывали русскую. Яркий электрический свет падал на Игоря. Он продолжал:

– Я полюбил художественное слово и, когда по-настоящему почувствовал и понял его великую силу, решил отдать ему свою жизнь. Был такой случай... – И Пересветов напомнил своим одноклассникам один затерявшийся в памяти день.

Директор школы Петр Петрович преподавал литературу. Однажды он дал задание выучить стихотворение Пушкина «В Сибирь». Игорь и большинство учеников этого не сделали.

«Как же так? – огорченно развел руками Петр Петрович. – Не понимаю, как могло не захватить вас такое совершенное произведение искусства!» Он вышел на середину класса и, заложив руки за спину, начал на память читать стихи.

Класс замер. Таким ученики еще никогда не видели своего учителя. Вдохновенное лицо помолодело, расширенные, потемневшие глаза, казалось, видели тех, к кому обращены эти строки. Вздрагивающие губы медленно роняли слова, такие сильные и проникновенные, что по спинам слушателей пробежал холодок.

– Я очень хорошо помню этот урок! – воскликнул Федя Власов. – Как сейчас, вижу Петра Петровича!

Федя сидел на траве, прислонившись спиной к дереву. Он сосредоточенно слушал Игоря и пальцем крутил пряди светлых, будто выгоревших волос. Такой цвет волос бывает у деревенских мальчишек, которые с непокрытыми головами длинные летние дни проводят под солнцем. Его широкое приятное лицо с девичьим румянцем во всю щеку и небольшое, но плотное тело говорили о крепком здоровье, и товарищи смеялись, когда он жаловался на головную боль или плохое настроение.

– Ну, а ты, Саня, почему решила пойти на производство? – обратился Федя к девушке в белом платье с открытыми почти до плеч руками, со светлыми желтоватыми косами, лежащими на спине. Она тоже только что окончила школу.

Саня воспитывалась в детском доме. Она была еще совсем маленькой, когда умерла мать. Отец погиб на фронте. Как эпизоды полузабытого сна или давно прочитанной книги, вспоминалось ей детство. Дом на берегу Зеленого озера. Уставленные цветами окна глядели на каменистые горы. Некрашенный пол покрывали чистые, белые половики. Над кроватью отца полка с книгами. На книгах лежал почти полуметровый кристалл слюды.

Слюдой играли маленькая Саня и ее подруги. Толченой слюдой посыпали новогоднюю елку. На слюдяных горках-отвалах возле рудника забавлялись ребяташки.

Вместе с матерью не раз подходила Саня к шахте № 4, где работал отец. С нетерпением ждала она, когда задрожат и натянутся канаты, поднимающие шахтерскую клеть. Выйдет из шахты отец, станет на эстакаду, изрезанную рельсами для вагонеток, и улыбнется ей. Они идут домой, крепко взявшись за руки. Дома отец становится совсем другим: на нем серый костюм, светлые серые волосы завиваются мелкими колечками, блестит вымытое лицо, от рук пахнет туалетным мылом. Но Сане особенно дорого было вспоминать отца в тот момент, когда он выходил из шахты, щуря глаза после многих часов, проведенных в темноте, опустив книзу сильные руки. В эти минуты хотелось Сане побороть свой девчоночий страх перед темной шахтой и спуститься туда.

Она приносила с рудника во двор тяжелые светлые камни с серебристыми пятнами, молотком раскалывала их, выбирала кристаллы слюды, сердито приговаривая: «Вот вам! Я ее все-таки достала!»

Саня знала, что слюдяной промысел был ее родовой профессией. Дед ее, так же как и отец, работал на слюдяном руднике.

В восьмом классе она предложила провести экскурсию детского дома на слюдяную фабрику, а потом – выезд на рудник. Ее поразило то, что в наш век машин слюда обрабатывалась примитивными способами: руками и ножом. Она ужасалась, что стоимость килограмма фабричной слюды определялась в несколько тысяч рублей. Она недоумевала, что горы мелкой слюды, добытой из недр с таким трудом и затратами, были никому не нужными отходами, которые и теперь, так же как много лет назад, играли, искрились на земле вокруг рудника. Не раз она спрашивала себя: почему до сих пор никто не загорелся желанием найти применение мелкой слюде? Почему никто не пытался придумать машины для производства слюды и удешевить государству ее стоимость?

Обо всем этом хотела сказать Саня, но не успела. В сад ворвалась шумная толпа десятиклассников, и один из них увлек ее танцевать.

Федя грустным взглядом проводил Саню. Он пригласил ее на прощальный вечер в свою школу. Она пришла, но за столом не села рядом, ни разу не позвала танцевать, как это бывало прежде на вечерах...

Он встал и хотел пойти в дом, но один из товарищей подхватил его под руку, и он остался. Другой, размахивая пустой бутылкой из-под шампанского, сказал, обращаясь к Пересветову:

– Эй, Пушкин! Ты умеешь писать в темноте? У тебя, конечно, есть с собой и бумага и карандаш?

– Несомненно, – отозвался Игорь и вытащил из кармана карандаш и блокнот.

– Пиши так, – диктовал кто-то из толпы. – «Сегодня...» Ставь число. «...Сегодня последний раз собрались мы в школе. Пути наши разойдутся. Мы выберем себе различные специальности и разъедемся кто куда...» Как мы дальше-то хотели? Да ты сам как-нибудь придумай. Речь идет о том, что все мы через десять лет в этот самый день должны собраться здесь.

Игорь писал наугад, почти не различая слов, напряженно присматриваясь к бумаге.

– Теперь подписи, – сказал он и с особой тщательностью вывел свою фамилию. Затем вырвал лист из блокнота и подал его стоящему рядом с ним товарищу.

Тот положил бумагу на бутылку и небрежно расписался.

– Представь себе, Игорь, что через десять лет мы и в самом деле встретимся здесь. – Он передал бумагу соседу и продолжал: – Твое имя гремит по всей стране, ты – знаменитый русский поэт. Интересно – как ты будешь смотреть на таких сусликов, как мы? Вот так! – Он встал на носки, поднял голову, сощурился и стал внимательно присматриваться к земле, точно пытался разглядеть на ней какие-то чуть видимые глазу соринки.

Вокруг засмеялись.

Записка переключалась в руки Феди, он торопливо поставил на бумаге непонятную закорючку.

– Не спеши, Федька, она все равно танцует с другим, – усмехнулся Игорь и посмотрел туда, где на освещенной дорожке сада в быстром вальсе кружилась Саня.

Игорь свернул бумагу трубкой, засунул в бутылку и крепко заткнул пробкой. Он осторожно опустил бутылку в глубокую, тут же вырытую лопатой яму, и все с шумом и смехом стали забрасывать ее землей.

Маша сидела на скамейке. Она не стала смотреть, как закапывают бутылку, не хотела и танцевать. Этот день у нее был трудный, полный волнения. Она окончила медицинский институт и сегодня сдавала государственный экзамен.

Маша выглядела совсем юной, не старше десятиклассниц из семнадцатой школы, которые приходили сюда на вечера. Лицо ее сохранило чуть уловимые черты своих далеких предков – коренных жителей Прибайкалья: задумчивые удлинённые глаза, выдающиеся скулы, черные до синевы волосы.

Разговор о выборе специальности взволновал Машу. Она слушала мечты юношей о будущем и думала о себе. Ее мечта уже почти осуществилась. Еще два-три месяца – и она врач.

Когда бутылка была запрятана в землю, Игорь предложил возобновить беседу.

– Если не возражаете, я предоставлю слово Федору Власову, – сказал он, обращаясь ко всем сразу.

– Просим!

– Федор Власов! На сцену! – раздались веселые голоса.

Федя приподнялся на коленях.

– Мое будущее определила легенда. Но здесь, – он развел руками и окинул взглядом утонувшие во мраке кусты и темные силуэты деревьев, – здесь легенды уместны.

Я хочу рассказать вам легенду о свет-траве.

Сто лет тому назад на сибирские просторные земли пришли из дальних мест семь братьев Кудреватых. Поблизости от села Гречишного, возле речки, поставили они семь домов и подняли вокруг черноземную целину. Это селение стало называться Семь Братьев.

Глубокой ненастной ночью в Семь Братьев привезли ссыльного революционера. Он был доктор. В глухих зарослях леса, с помощью охотников и крестьян, нашел он целебную свет-траву. Доктор собрал семена свет-травы и начал сажать их в окрестностях Семи Братьев. Чудесная трава исцеляла всякие болезни. И потянулись к доктору-революционеру люди со всех сторон.

Исправник увидел в этом крамолу. В одну из ночей, тоже ненастную и темную, доктора схватили и увезли на край белого света, где ничего не росло и были вечные льды. А траву безжалостно вырвали, вытоптали, вскопали засеянные ею взгорки. Но ветер все же успел подхватить семена и развеять по лесу. Прячась между стволами, в отдаленных таежных зарослях то там, то здесь расцветали белые цветы. Но стали они невидимыми человеческому глазу.

Нашлись такие люди, которые хотели сделать свет-траву источником своих доходов. Долго и тщетно искали ее. Но осталась в народе молва, что свет-трава станет видима только

тому, кто пойдет искать ее с чистым сердцем, с глубокой верой в человеческое счастье, с мечтой найти ее для блага людей.

Федя замолчал. Молчали и его товарищи. Легенда взволновала их не только трагедией сильного человека, ставшего жертвой невежества и произвола, но она вызвала удивление и волнение за судьбу Феди, которую он связывал со свет-травой.

Глава вторая

Легенду о свет-траве Федя слышал два года назад в Семи Братях от своего дедушки – колхозного пасечника. Каждое лето Федя приезжал к дедушке на пасеку. Здесь был особенный мир, и дедушка управлял этим миром.

В саду он появлялся на восходе солнца, медленно шел по утоптанной дорожке и по шелесту листьев определял направление ветра. Из-под седых бровей Степан Петрович бросал острый взгляд на запад и неизменно останавливался под ветвями дикой яблоньки. Он набивал трубку собственноручно выращенным табаком, закуривал и говорил:

– Вёдро! Днем завернет градусов на сорок. Надо будет общежитки сенцом прикрыть.

А если, по ведомым ему одному приметам, предполагалось ненастье, он сердито бормотал:

– Однако не будет взятки!

С утра и до вечера хлопотал Степан Петрович на пасеке. Высокий, сгорбленный, в коричневом свитере, переходил он от улья к улью, его широкополая соломенная шляпа, темная от солнца и времени, мелькала то там, то здесь.

Федя тоже по целым дням не уходил с пасеки. Он надевал на голову сетку, прятал в карманы руки и все же чувствовал себя неважно, когда пчелы гудели и кружились вокруг него.

– Вот, Фёдюшка, смотри, – однажды сказал ему. Степан Петрович, показывая только что вынутую из улья восковую раму.

Федя сидел в стороне, под деревом, на плетеном стуле у стола, врытого в землю.

Степан Петрович осторожно поставил на стол край рамы. По ней ползали встревоженные пчелы. Ровные, будто сделанные точным инструментом, шестиугольные ячейки заполняли раму. Вверху ячейки были крупнее.

– Вот, Фёдюшка, смотри, – повторил Степан Петрович и пальцем, по которому ползла пчела, показал на мелкие ячейки. – Видишь в середине темное пятнышко? Это будущие пчелы-работницы. А вверху ячейка трутней. Нам их надо много меньше, чем выводят пчелы.

Он достал из кармана проволоку с загнутым концом и осторожно начал вытаскивать яички трутней.

– А раньше пасечники думали, что человек не может нарушать пчелиную жизнь: пчелы, мол, сами знают, как надо и что надо. А выходит, не так, выходит, что человеку во все нужно вмешиваться.

Степан Петрович поставил раму в улей, возвратился и присел на траву около стола.

Солнце еще не поднялось над деревьями, и его лучи неравномерно прорывались сквозь стволы яблонь. На полянках плясали пятна солнечного света, и над ними взад-вперед летали пчелы. Вперед – быстро; обратно, обремененные ношей, – медленно. Иногда, не долетев до летка, они садились отдыхать на траву.

Степан Петрович не спеша выбил трубку о сапог, достал кисет и набил ее табаком.

– Вот возьми, к примеру, растения, – начал Степан Петрович, срывая под деревом ландыш. – Росли они и двести и пятьсот лет назад. Не вмешайся человек, так и росли бы без пользы. А теперь ими человек лечится.

– Вот этим? – спросил Федя, указывая на ландыш.

– Этим самым. А спорынья, черника, богородская трава, ромашка! Да всех не перечтешь. А сколько есть еще не открытых лечебных трав!

Степан Петрович повернулся к Федору, снял шляпу и, вытирая рукавом свитера лысину, сказал, понизив голос:

– Вот, к примеру, свет-трава!..

Тогда и услышал Федя впервые о свет-траве. Вначале легенда не увлекла его. Но он записал ее в блокнот и с той поры стал интересоваться книгами, брошюрами и газетными статьями о лекарственных травах. В них не упоминалось о свет-траве, и она по-прежнему оставалась для него легендой.

На следующее лето Федя снова побывал в Семи Братьях и опять услышал о свет-траве. И его отношение к легенде стало иным. Случилось это так.

Степан Петрович послал Федю за вошиной в село Гречишное, расположенное в десяти километрах от Семи Братьев. Федя не успел там закончить дела и вынужден был переночевать в Гречишном.

Он остановил лошадь у каких-то ворот и заглянул во двор. Двор просторный, опрятный. Окнами на улицу стоял небольшой дом с высоким крыльцом. Значительную часть двора занимал сеновал. Под навесом около верстака сидел старик с длинной бородой, какую Федя видел только на картинках, изображающих сказочного Черномора.

Опасливо оглядываясь, нет ли собак, Федя подошел к старику. Тот надевал обруч на кадушку.

– Здравствуй, дедушка! – сказал Федя.

– Здравствуй, сынок! – ответил старик, опуская с верстака кадушку на землю. – Чей будешь-то – не признаю? – неторопливо спросил он.

– Я из Семи Братьев. Внук пасечника Степана Петровича Власова.

– Знаю, знаю. Здоров дед-то?

– Здоров, – сказал Федя. – Спасибо!

– Садись, сынок, – старик кивнул на скамейку. – Лет шестьдесят прошло с тех пор, как я деда твоего видел. Был он еще парнем, на внучку мою заглядывался, да и я совсем молодым был, полсотни еще не прожил.

Федя недоуменно посмотрел на старика, мысленно прикидывая его возраст, и не удержался, спросил:

– Сколько же вам лет, дедушка?

– Сто десять, сынок, минуло.

– Вот это здорово! – восторженно воскликнул Федя и сел на скамейку.

Он забыл о том, что у ворот дома стоит некормленная лошадь. «Живая история», – думал Федя, с интересом разглядывая старика. А тот глядел задумчиво поверх Фединой головы, точно прислушиваясь к самому себе, не замечая собеседника.

Иногда бывает так, что встретятся два человека, и, несмотря на разницу лет, мыслей, взглядов, им хорошо и просто друг с другом, будто знакомы они не первый год. Так случилось с Федей и Савелием Пряхиным. Они разговаривали с увлечением, а когда старик сказал, что знал всех семерых братьев Кудреватых, Федя насторожился.

– А о свет-траве вы, дедушка, что-нибудь слышали? – спросил он.

Некоторое время Савелий Пряхин сидел без движения и все так же задумчиво глядел поверх Фединой головы.

Федя решил, что тот не слышал его вопроса, и хотел повторить. Но старик качнул головой и сказал тихо:

– Знаю, знаю свет-траву...

– Знаете?! – с любопытством воскликнул Федя и приподнялся.

– Я мальчишкой был. Привезли ссыльного доктора в Семь Братьев и поставили на квартиру к Ивану Кудреватых. Сперва ему не позволили народ лечить. Он писал начальству жалобы, что, мол, должен голодной смертью помирать, коли своим делом заниматься запрещают. Ну, ему тогда и позволили. Лекарь был хороший, сердечный, в ночь-полночь, коли надо, к больному приходил. Кому платить нечем, бесплатно лечил. Я в ту пору в батраках жил на

заимке богача Коровина, в пяти верстах от Семи Братьев. Сказывали – в революцию ее дотла сожгли...

– Бывал я в тех местах. Трава растет, больше ничего нет.

– Там о лекаре-то я и услышал...

– Ну, а свет-трава? – нетерпеливо перебил Федя старика.

– Свет-траву он где-то в наших же лесах нашел, посеял на взгорках возле Семи Братьев и стал ею народ лечить.

– Излечивал? – с волнением спросил Федя.

– Излечивал. Все болезни излечивал. Бабы его за святого почитали, только, сказывали, он одной на ухо шепнул: ты, мол, тетка, меня к лику святых не причисляй, я и в бога-то не верю.

– Ну, а потом что было? Долго жил в Семи Братях этот лекарь?

– Недолго. Вскоре же его сослали в другие края.

– Где же эти взгорки, на которых он свет-траву посеял? – спросил Федя и почувствовал, что от волнения ему не хватает воздуха.

– Вот это, сынок, запомнил. За сто лет столько взгорков перевидал, что в голове все перепуталось. Траву вот помню. Небольшая она, пушистая. Цветы на ней маленькие – когда белые, когда розовые. Цветет она недолго. День-два – и опадают цветы. Оттого и найти ее трудно. Корешок в земле слабо держится. Так с корнем ее и вытягивали. Сомнение меня берет, чтобы по сие время осталась в наших краях свет-трава. Лекарь-то с разумом рвал ее, а когда его увезли, бабы сами рвать траву начали – могли и подчистую выполоть...

– Дедушка, а узнали бы вы сейчас свет-траву? Отличили бы от других трав?

– Узнал бы, сынок!

– Значит, вы покажете ее, если я принесу вам образцы всяких трав?

– Сынок! – грустно сказал Савелий Пряхин. – Слепой же я... Стена!.. – Он сделал движение рукой, точно в самом деле перед ним высилась стена, заслоняя весь мир.

Некоторое время Федя молчал. Потом он вспомнил о Рыжке, стоявшем за воротами, о том, зачем он пришел в этот двор.

– Дедушка, у вас можно переночевать?

– Можно, можно, сынок, – ласково ответил тот и, чуть подавшись грудью вперед, осторожно пошел по направлению к дому, приговаривая: – Я самоварчик вскипячу, чай пить будем.

Федя завел под навес Рыжку, распряг его, в корыто насыпал овса. Пока лошадь мягкими губами подбирала овес, он сидел на бревне и раздумывал о том, что услышал от Савелия Пряхина.

Возможно, Савелий Пряхин и был творцом легенды о свет-траве? Или легенда настолько взволновала сердце старика, что с годами он поверил в то, что все это произошло на самом деле? Но особенно радовало Федю предположение, что все рассказанное Савелием Пряхиным – правда.

Поздно вечером Федя забрался на сеновал, но уснуть не мог. Он ворочался с боку на бок, прислушивался к особенной тишине деревенской ночи, прерываемой звоном кузнечиков, шумными вздохами коров и еще другими, неизвестными ему звуками.

Лежать надоело. Он встал. Подошел к краю сеновала, сел, свесив босые ноги, и стал всматриваться в темноту.

Село спало. Над черными силуэтами крыш поднималось темное небо, усеянное неисчислимым множеством живых, мигающих звезд.

Деревню окружала тайга. Федя знал – она тянулась на тысячи километров. Ее прерывали реки, пашни, деревни, железные дороги, города. Она уступала им место и отходила.

Федя закрывал глаза, и ему мерещились зеленые взгорки, усеянные ландышами, ароматной богородской травой и кустиками крупной, созревшей черники.

В эту ночь он поверил, что в богатых сибирских лесах притаились сотни еще не открытых лекарственных трав. В себе он ощущал горячее желание пуститься на их поиски.

«Пусть в жизни не существует свет-травы или я не сумею найти ее, – думал Федя, – но я найду другие лекарственные травы».

На рассвете, поживаясь от прохлады, он пришел к окончательному решению пойти учиться на биологический факультет.

У кромки леса, над рекой, заалела утренняя зорька, и на светлеющем небе проступили очертания гор. Как дымок дальних костров, из ложбин потянулся туман к поднимающемуся солнцу.

Федя встал, бросился на разостланную на сене овчину, натянул на себя одеяло и закрыл глаза. Но какое-то смутное беспокойство не давало ему задремать.

На лестницу, прислоненную к сеновалу, взлетел петух. Он гордо оглядел двор, вытянул шею, украшенную зеленым блестящим воротником, захлопал красными с коричневыми полосками крыльями и загорланил, извещая деревню, лес, реку и поля о наступающем дне.

Федя поднялся на локте и громко спросил себя:

– А почему на биологический, а не на медицинский?

Петух скосил на него красные глаза и слетел с лестницы на землю. Из гнезда, искусно прилепленного к балке крыши, вылетела ласточка, с громким писком выглянули большеротые, некрасивые птенчики.

Федю опять охватили сомнения. Хотелось поговорить со знающим человеком, услышать его совет.

– Сынок, вставай, сынок! – послышался снизу голос Савелия. – Чаек пить иди!

Федя вскочил, подошел к краю сеновала, присел на корточки.

– Доброе утро, дедушка!

Старик стоял около лестницы босой, в полосатых штанах, в длинной белой рубашке.

– Как спалось, сынок?

– Никак, дедушка. Всю ночь не спал.

– Что так? – удивился Савелий. – В молодые годы только и поспать.

– Все о будущем своем думаю, дедушка. Не знаю, куда учиться пойти: биологом быть или врачом?

– Биологом? Это как? – неуверенно спросил старик.

– Это значит природу изучать. Каждую травку, каждое дерево знать.

– Эх, хорошо! – всплеснул руками Савелий. – Вот, стало быть, почему ты свет-травой интересовался... А доктором – тоже польза великая людям. Да нельзя ли, сынок, то и другое?

– Нельзя, дедушка, – решительно сказал Федя. – Ну, я сейчас...

Он схватил рубашку и стал натягивать ее. Савелий подошел к дому, осторожно ступая босыми ногами.

– А почему же нельзя? – вдруг озадаченно сказал Федя, и ему показалось, что вокруг все озарилось каким-то сияющим, радужным светом: и небо, и трава, и дом Савелия Пряхина. В сердце же поднялась такая радость, что он чуть не задохнулся. – Можно, конечно, – тихо сказал он сам себе, – сначала биологический, а потом медицинский... Дедушка! Можно, можно! – закричал он, как будто бы решение это важно было не для него, а для старика. Но Савелий не понял, что кричал Федя, только махнул рукой. Жест этот говорил: «Придешь в избу и расскажешь».

Глава третья

Федя подал заявление на биологический факультет университета. Его светлое настроение теперь омрачало только одно: Саня отходила от него все дальше и дальше. Он не мог понять, почему дружба, из года в год крепнувшая, теперь вдруг нарушилась. И чем реже встречался он с Саней, чем безразличнее становилась она к нему, тем ярче разгоралась в его сердце первая любовь, которую трудно еще отличить от чувства преданной дружбы.

Возвратившись из Семи Братьев, несколько раз пытался Федя встретиться с Саней, но она по телефону отговаривалась – сначала тем, что держала экзамены на заочное отделение маркшейдерского факультета горного института, потом тем, что занята неотложными делами в детском доме. Причины уважительные, но их, конечно, не было бы, если б Сане хотелось встретиться с ним. Федя хорошо понимал это и грустил.

Однажды вечером на мосту он встретил Саню с какими-то незнакомыми девушками и юношами. Они шли навстречу ему по другой стороне моста, о чем-то громко рассуждали и смеялись.

«Для этих людей у нее нашлось время», – подумал Федя и отвернулся, опираясь локтями на чугунные перила моста. Саня не заметила его.

Федя рассеянно смотрел на лодку, качающуюся на волнах, поднятых только что пробежавшим катером. И ярко-ярко, будто бы это было всего лишь вчера, в памяти его пронеслось воспоминание о первой встрече с Саней.

Это было душной августовской ночью 1945 года. Пароход медленно шел вверх по реке. Он с трудом преодолевал могучее течение, обходил пороги, острова и мели. Искры фейерверком летели из трубы. Легкий ветерок гнал их в сторону, и они падали в воду и гасли.

Вот уже несколько суток шел по реке пароход специального назначения. Шел он не по графику. Капитан, заметив на берегу костры, отдавал команду остановиться. Хрипло и коротко гудел пароход, хлопал по воде широкими лопастями и медленно, неуклюже поворачивал носом к берегу.

Каюты и трюмы были переполнены школьниками. Все лето они вместе со своими учителями работали в колхозах, заменяли тех, кто ушел защищать Родину и еще не возвратился домой.

Школьники спали: некоторые с удобствами на постелях, иные по-походному – подстлав под себя пальто.

Пароход плыл, равномерно постукивая колесами. Казалось, вот-вот кончится путь на реке, освещенной электрическим светом, и он выйдет на широкую, усеянную звездами дорогу в небо.

Игорь и Федя спали на палубе, под капитанским мостиком, положив головы на одну подушку. Около их ног в грубо сколоченной клетке лежал поросенок.

Друзья проснулись от страшного шума. Хриплым басом ревел пароход, пассажиры кричали и бежали к борту. В отдалении прозвучал и оборвался отчаянный визг. Что-то упало в воду.

– Утонул!

– Бегом, да так и оборвался!

– Штопором к самому дну, даже не вынырнул! – кричали ребята.

– Кто утонул? Где? – спрашивали Игорь и Федя бегущих ребят.

– Федька! Да это твой питомец покончил самоубийством! – воскликнул худенький мальчуган, кутаясь в одеяло, сложенное треугольником.

Федя бросился к лестнице. Там стояла клетка с открытой дверцей. Засов, привязанный веревкой, был кем-то вытасчен, он еще колыхался. Видимо, бегство поросенка из клетки произошло только что.

Вокруг собрались ребята. Все они с сожалением разглядывали клетку, трогали ее, сочувствовали Феде и удивлялись, кто мог выпустить поросенка. Федя сердито молчал, с трудом удерживая слезы. Он заработал поросенка в колхозе и вез его в подарок матери, с удовольствием представляя себе, как обрадуется она этому подарку. Все оказалось напрасным. Было отчего и заплакать.

Пароход подходил к городу. Больше не встречались высокие скалистые берега и пестрые поляны цветов. Не было тайги, на десятки километров уходящей вдаль.

По берегам громоздились кирпичные постройки заводов. Черные, прокопченные трубы поднимались в небо.

Пассажиры суетились, радовались, что окончился долгий путь. Они не уходили с палубы, собрались на одну сторону, веселыми криками приветствуя выплывающие навстречу здания родного города.

– Ребята, разойдитесь! Видите, пароход накренился! – сердито кричал капитан.

К толпе школьников подошла девочка с очень светлыми вьющимися волосами, заплетенными в две длинные косы. Она стала между Игорем и Федей, и по ее смущению можно было догадаться, что она появилась здесь не случайно.

Несколько мгновений девочка смотрела на город яркими зеленоватыми глазами, затем повернулась спиной к Игорю и, краснея, обратилась к Феде:

– Я давно бы сказала... но все не могла тебя одного застать. Это я нечаянно выпустила поросенка.

Федя с удивлением взглянул на девочку:

– Ты?

– Я хотела только посмотреть, – виновато сказала она, – но в это время пароход загудел. Он испугался и выскочил из клетки...

– Ну что же, ты ведь не нарочно! – вздохнув, ответил Федя и встретился с насмешливым взглядом Игоря. Взгляд этот как будто говорил: «Эх ты, вояка! Грозил, грозил, а как до дела дошло – и размяк».

Федя нахмурился:

– Ты не знаешь, сколько я с ним мучился!

Девочка еще сильнее покраснела и, с беспокойством оглядываясь на Игоря, сказала:

– Я тебе деньги за поросенка отдам, только я еще расчет за трудодни не получила...

– Что ты! Что ты! – замахал руками Федя. – Я же не об этом говорю!

– Я все равно отдам тебе деньги, – упрямо повторила девочка. – Я знаю, в какой ты школе учишься и как твоя фамилия.

Она ушла. Игорь смотрел на воду и смеялся.

Это была первая встреча с Саней, о которой Федя вскоре забыл.

Глубокой осенью он сидел дома за письменным столом, раздумывая над задачей. Несмотря на раннее время, в комнате стоял полумрак. В окно глядело хмурое небо, и к стеклу лип мокрый снег.

Мать крикнула:

– Фёдюшка, тебя спрашивают!

Федя отложил задачник и, все еще думая о том, верно ли сделано второе действие, направился к двери.

На крыльце стояла смущенная Саня в синем берете, покрытом каплями растаявшего снега, в расстегнутом пальто. В руках она держала сверток. Она собралась что-то сказать, но сверток зашевелился, и в нем пронзительно завизжал поросенок.

Федя не брал поросенка, но Саня и слушать не хотела.

– Да я же не покупала его. Это наш, детдомовский, от свиньи Марульки, – уговаривала она Федю. А потом положила на ступени сверток с поросенком и убежала.

С тех пор Федя с Саней стали друзьями. Он узнал, что Саня сирота и уже несколько лет живет в детском доме. Жизнь Сани представлялась ему одинокой, но вскоре он убедился, что это не так.

В детском доме существовал обычай – отмечать день рождения воспитанников. К празднику готовился весь детский дом: покупали и мастерили подарки, проводили репетиции самодеятельности, составляли особое меню обеда.

На свой день рождения Саня пригласила Федю. Радость так и искрилась в ее глазах. Казалось, вот-вот Саня зальется веселым, звонким смехом.

Она привела Федю в клуб, посадила в первом ряду и, заставляя оглядываться, без умолку говорила, показывая своих подруг и воспитательниц. Подруги были в одинаковых школьных формах и, очевидно, поэтому казались Феде похожими друг на друга.

Они вышли во двор, покачались на качелях. Саня насильно вытряхнула из петли гигантских шагов зловредного мальчишку, который никак не мог понять, что гостю полагается все уступать; Федя, Саня и еще два мальчика с увлечением стали бегать кругом, поднимаясь почти вровень с верхушкой столба.

Женщина в белом халате ударила железной палкой о кусок рельса, подвешенный к дереву, и ребята потянулись в столовую. Федя понял, что они пошли обедать, и собрался идти домой. Но Саня взяла его за руку и повела с собой.

– Нет, пообедаешь с нами! – говорила она, не отпуская его руку.

В дверях столовой с двумя десятками четырехугольных столиков, накрытых белыми клеенками, Федя решительно остановился. Мимо проходила женщина – директор детского дома, и Саня пожаловалась ей:

– Валентина Назаровна, он упрямится и не идет обедать.

Женщина задержалась в дверях и сказала с улыбкой:

– Проходи, проходи, зачем же хозяйку обижать, у нее сегодня день рождения.

С тех пор и Саня стала бывать у Феде. Они читали, спорили, мечтали. Иногда сюда приходил Игорь, но Саня избегала его, потому что Игорь ко всем девочкам относился высокомерно и над ней все время посмеивался.

За последнее время отношения Феде и Сани резко изменились. Феде казалось, что теперь Саня могла бы и вовсе не встречаться с ним.

Особенно остро он почувствовал это уже в десятом классе, на вечере, посвященном годовщине Октябрьской революции. По традиции пригласили учениц из соседней школы. Среди них была и Саня.

С какой-то особенной тревогой он ждал ее больше часа в холодном вестибюле. Наконец она пришла, но не одна, а с подругой. Федя сдал на вешалку пальто девушек. Саня взяла под руку свою одноклассницу и весь вечер не отпускала ее от себя.

На концерте он сидел около Сани, в первом ряду. Она разглядывала школьников, то и дело приподнимаясь и поворачивая голову то вправо, то влево. Ее светлые пышные косы соскальзывали со спины и легко прикасались к его руке. От этого случайного прикосновения Феде становилось почему-то грустно.

– Помнишь, Саня, – тихо сказал он ей на ухо, – на твоих именинах в детском доме мы так же сидели с тобой рядом, в клубе...

– Помню... И я заставляла тебя все время рассматривать моих подруг и воспитательниц. Саня засмеялась, а Федя подавил вздох. Как было просто и легко с той Саней! Как стремилась она тогда все свободное время проводить вместе с ним.

Федя рассеянно смотрел вокруг, почти не слушал, как Игорь читал свои стихи. Последним выступал струнный оркестр, которым руководил Федя.

Федя стал спиной к публике, постучал о пюпитр карандашом, выждал несколько секунд, мягким движением выбросил руку, кивнул головой. Будто не двадцать рук, а одна тронула мощную струну. Федя с радостью прислушался к этому слаженному, слившемуся в единое звуку. «Начали хорошо», – подумал он и, забыв о своих горьких чувствах, с увлечением принялся дирижировать.

После концерта начались танцы. Саня очень любила танцевать. Она то, легко постукивая каблучками, танцевала с подругой польку, прихватив рукой край коричневого форменного платья и мелькая белым передником, то вальсировала с товарищами Феди, закинув голову и оживленно оглядывая зал.

Федя ни разу не осмелился пригласить ее потанцевать, и она ему этого не предложила.

Среди друзей, в родном школьном зале, праздничном и веселом, он вдруг почувствовал себя лишним и с половины вечера ушел домой.

А на другой день Федя вошел в ворота детского дома, пересек аккуратно посыпанную песком волейбольную площадку с когда-то белой, а теперь почерневшей сеткой на столбах и направился к крыльцу. Ему вспомнилось, как несколько лет назад в ясный осенний день он играл здесь в волейбол. Около сетки Саня поставила вместо себя подругу, а сама зачем-то побежала в дом. Федя загляделся ей вслед и прозевал мяч. Он покатился по траве. Веснушчатый мальчишка с вышибленными передними зубами погнался за мячом и, пробегая мимо Феди, сказал сердито: «Шляются тут всякие... Только мешают!»

Федя обиделся и ушел домой.

Вскоре к нему прибежала Саня. Она взволнованно расспрашивала, почему он ушел, и грозилась поколотить задиристого мальчишку.

Но то было несколько лет назад... Вчера в разгар веселья он ушел со школьного вечера. Саня не позвонила по телефону и, может быть, даже не заметила его отсутствия.

И вот Федя с тяжелым сердцем шел к Сане. Он твердо решил, что ему нужно откровенно поговорить с ней.

На крыльце, обтирая ноги о резиновый коврик, Федя вдруг стал сомневаться, стоит ли идти. Он задумчиво постоял на крыльце и тихо побрел обратно.

А Саня в это время стояла у открытого окна в пионерской комнате и сквозь шторы видела, как Федя медленно шел к воротам.

Она не отбросила штору, не крикнула ему вдогонку, а, наоборот, затаилась, почти спряталась.

Федя дошел до ворот, сунул руки в карманы, постоял и возвратился.

Все так же стоя у окна, Саня повернула лицо к двери и напряженно стала прислушиваться к шагам в коридоре.

В дверях появился Федя. Он смущенно улыбался и рукой приглаживал кудрявые пряди волос.

Вошел бы он весело, просто, как прежде, и Саня дружески, тепло встретила бы его. У них нашлись бы темы для разговора, повод для веселого, беззаботного смеха. Но Федя стал другим, непонятным, обидчивым. Саня не знала, как теперь держать себя с ним.

Они поздоровались за руку и молча остановились у стола.

– Я не помешаю тебе, Саня? – спросил Федя. – Ты чем занималась здесь?

– Я? – Саня на секунду замолчала. – Да так, ничем...

Не могла же она сказать Феде, что стояла у окна и следила за ним.

В коридоре раздался топот, шум, и в пионерскую комнату с радостным криком ворвалась группа мальчуганов. Они тащили балалайки, мандолины, гитары, на ходу развязывая веревки и обрывая бумагу, в которую были завернуты инструменты.

– Привезли! Гитары! Балалайки! – кричали ребяташки, обступая Саню.

– Привезли? Чудесно! – оживилась она. – Кладите сюда, – она показала на стол. – Вот хорошо, что ты здесь, Федя! Сразу же настроишь инструменты.

Саня протянула ему гитару. Ребяташки подали Феде стул и, когда он сел, тесным кольцом окружили его.

– Да отойдите немного! – сказала Саня. – Что за привычка у вас!

Федя взял несколько аккордов, поморщился и стал настраивать гитару. Он брал все одну и ту же ноту, но мальчишки с любопытством и вниманием слушали и следили за его пальцами.

Он кончил настраивать, улыбнулся ребятам, заиграл веселый мотив.

Сейчас Федя был таким, как раньше, – простым, понятным. И прежнее теплое чувство к нему поднялось в Санином сердце.

В комнату вошла румяная девушка в пионерском галстуке.

– Мальчишки, что же вы не идете? – сказала она и недовольно взглянула на мгновенно смолкших Федю и Саню. – Мы альбом фотографий оформляли, а они разбежались, – пояснила девушка и вышла так же внезапно, как и появилась.

Ребяташки неохотно пошли за вожатой. Саня снова осталась вдвоем с Федей. Федя настраивал мандолину, сосредоточенно склонив голову. Он откинулся на спинку стула, и Саня спросила:

– Все?

Федя молча кивнул и, задумчиво глядя вверх Саниных волос, заиграл незнакомую грустную мелодию.

– Федя, это что? – заинтересовалась Саня.

Федя покраснел, встал и положил мандолину на стол.

– Да так, ерунда... фантазия!

Нет, Федя решительно стал непонятен ей.

Так и не осмелился Федя откровенно поговорить с Саней. Он настроил все инструменты и заторопился домой. Саня проводила его до дверей и пошла к себе.

Вместе со своей одноклассницей Зоей она занимала маленькую комнату, выходящую окнами в сад. В комнате многое было сделано руками самих девушек: вышитые простенькие, но добротные покрывала и шторы на дверях, промереженные занавески на окнах, полотняные чехлы с красными кистями на стульях, коврики над кроватями.

Девушки, как сестры, выросли вместе. Детский дом стал для них родной семьей.

Характеры девушек были различны, но жили они дружно. Зоя с малых лет увлекалась спортом и слыла в детском доме лучшей физкультурницей.

Зоя собралась уходить, но, увидев Саню, задержалась.

Саня взяла кусок шелковой материи, на котором пестрела корзинка с цветами, и села у стола. Зоя внимательно посмотрела на Саню и сказала:

– Федю я не узнаю за последнее время. Что это с ним, Саня?

– Не знаю, – задумчиво ответила Саня, положила вышивку на стол и повернулась к Зое. – Он какой-то странный, молчаливый стал. Иногда я не знаю даже, о чем говорить с ним, чувствую себя точно виноватой... и поэтому избегаю его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.